

Меир Ландау
Соловка
Stowik

Меир Ландау
Соловка Słowik

«Издательские решения»

Ландау М.

Соловка Słowik / М. Ландау — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907774-5

Перед самым началом Великой Отечественной войны десятилетний Мишка Двонер приезжает во Львов, где служил его отец, комиссар-пограничник. Отец Мишки погибает 22 июня 1941 года. 30 июня происходит кровавый Львовский Погром. На глазах у мальчика националисты убивают его мать и прадеда. Мишка попадает в гетто, где, не желая сдаваться врагам, участвует в подпольной борьбе. В 1944 году он участвует в Варшавском восстании. Однако, у него есть мечта — убить Степана Бандеру и отомстить за свою семью!

ISBN 978-5-44-907774-5

© Ландау М.
© Издательские решения

Содержание

Словка	6
глава 1	8
глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Соловка Słowik

Меир Ландау

© Меир Ландау, 2018

ISBN 978-5-4490-7774-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Соловка

Новелла «Соловка» не является художественной. Это исторический рассказ, основанный на воспоминаниях людей переживших Холокост. И герой произведения имеет своего прототипа. Точнее – прототипов. В образе персонажа объединено три человека и сюжеты новеллы это изложение их свидетельств. Поэтому я не старался особо соблюдать стиль. Единственное что является аллегорией это самое начало и самая концовка.

*С уважением,
Меир Ландау*

*Не считай свой путь последним никогда,
Вспыхнет в небе и победная звезда,
Грянет долгожданный час и дрогнет враг,
Мы придем сюда, чеканя твердо шаг...
Герш Глик
(перевод с идиш
А. БАРТГЕЙЛ)*

...Германия; Мюнхен; 1959 год...

Среднего роста, лысоватый, человек в шляпе, держа в одной руке кейс, а на другую повесив серый плащ, вышел из адвокатской конторы и направился в маленькое кафе, в котором постоянно обедал со своими охранниками. Он любил тут обедать. В этом кафе было всегда спокойно и блюда подавались исключительно свежими, только что приготовленными. Я пошёл вслед за ними и заняв столик рядом, заказал себе кофе. Сидел привычно, даже не прислушиваясь к их разговору. Меня даже не интересовало о чём разговаривают мои соседи. Я тут тоже уже стал завсегдатаем, и этот лысоватый человек в шляпе ко мне даже привык. Хотя мы с ним не здоровались.

Человек что-то рассказывал охранникам, шутил с ними, вроде бы, даже, советовался.

От скуки я закурил. Мне уже стало тошно в десятый раз выслушивать одни и те же шутки, которые травили охранники и этот в шляпе. Пришлось допить кофе и выйти на улицу...

Это был Поппель. Адвокат. И искал я этого Поппеля уже давно. Я бы добавил, что очень давно... Я проехал по его следам всю Югославию, США, вполне обжилась во Франции и совсем не ожидал встретить его тут, в Западной Германии... Мне он был очень важен. Как персона. Меня даже не интересовали его адвокатские способности...

Встав недалеко от кафе я увидел, как Поппель вышел из него, к моему удивлению отпустил охрану и направился улицей прямо в мою сторону.

«Вот так, – подумал я себе, – а вот заводить случайные знакомства меня не учили. Хотя, а почему случайные? И почему знакомства?» Подобное действительно не входило в мои планы. Но, Поппель, спокойно, совсем не обращая на меня внимания, грузно протопал мимо.

Я уже прикинулся было посредственным немецким интеллигентом, читающим местную газету, но это было совершенно лишним. Едва Поппель удалился метров на десять, я снова последовал за ним.

Так мы шли друг за другом, пока не оказались около его дома.

Тут Поппель, буквально внезапно, свернул на другую сторону улицы и исчез в дверях магазина, прямо напротив своего подъезда, а я спокойно открыл двери этого самого подъезда и зашёл в дом...

Этаж за этажом и я остановился у самых дверей квартиры, где этот адвокат жил.

Я ждал. Ждал минут пятнадцать, пока Поппель надумал войти в подъезд. Я слышал как у него в квартире разрывался телефон. Мимо, на улицу, пробежал какой-то мальчик с собакой, а Поппеля не было. Минуты уже казались долгими часами, но, наконец, двери подъезда скрипнули и тяжёлые шаги раздались коридором. Это был он. Поппель. Он почти поравнялся со мной, когда я преградил ему путь...

– Пан Бандера? – спросил я решительно.

– Что? – испугался он.

– Это тебе за погром во Львове, нацистская свинья, – выхватил я «Парабеллум» и выстрелил ему в лицо в упор...

По лестнице покатались купленные только что им помидоры. Бандера упал. Пол залился кровью. На душе стало радостно от понимания того, что Бандера понял чья пуля его достала...

Я спрятал «Парабеллум» и спокойно вышел на улицу, растворившись среди горожан. Прохожие спешили куда-то... И, как всегда, ничего не замечали. «На войне как на войне...». Я тоже спешил. В сквер неподалёку, где меня ожидал беглый агент КГБ Богдан Сташинский, решивший красиво сбежать от своих, а поэтому согласившийся взять этот «аттентат» на себя...

глава 1

МИШКА

Мне снился сон... Я был на разведке. Где-то далеко, в степи, среди густой жёлтой травы, в какой-то дикой балке...

Я маленький, и поэтому на разведку послали меня. И я ползу тихо, осторожно, чтобы не шелохнулась ни одна веточка, к большому и страшному кусту калины. Но чем ближе я подползал, тем больше он был увешан красными ягодами, тяжёлыми, такими каких не бывает в природе. И между ними я видел ранее невиданные синие цветы, с шестью лепестками... Их было много, а ягод ещё больше.

И вот я заполз прямо в этот куст и услышал над своей головой чудесное пение соловушки. Я таял в этой песне и уносился куда-то вдаль, вверх, во все стороны, прямо к небесам и поднимался к звёздам. А вокруг была эта чудесная песня...

Вдруг я услышал голос:

– Теперь скоро... – говорил незнакомый голос.

– Да, совсем скоро, – ответил ему второй, так же не знакомый мне.

Вдруг пение соловки прекратилось, я поднял голову и увидел, что она плачет кровавыми слезинками, держит что-то в клювике, а перед ней, в гнёздышке, лежат убитые птенцы...

Я вскипел, вскочил, закричал и бросился на врагов... Я никогда не любил тех кто обижает слабых...

Но тут я проснулся. Меня разбудила мама...

– Вставай Миша, нам долго ехать, можем на поезд опоздать, если будешь долго спать.

Был ясный майский день. Первое Мая. Такой большой праздник. Всё веселилось, все были радостные, а мы спешили на поезд.

Поезд нас повёз, в начале в Киев, а потом во Львов, куда только что перевели по службе моего папу... А сейчас мы уезжали к нему...

...Западная Украина; Галичина; 20 июня 1941 года...

Давайте познакомимся. Я Мишка. Так меня называли тогда друзья. Дома меня звали Миша, Мойше, а прадедушка, которого я очень люблю, звал меня Михаэль... Странно конечно, потому что когда я один раз увидел свою метрику, то ни Миши, ни Михаэля я не нашёл. Моисей... Но какая разница? Я люблю своё имя и поэтому не считаю нужным всем о нём рассказывать...

Почему он тогда показался мне таким особенным, я не могу понять до сих пор. Может потому, что в нашем доме он появился как-то неожиданно? Даже не в нашем, а в доме, где мой папа квартировался, а мы с мамой приехали к нему на лето. Точнее, не на всё лето, а пока что, пока папа не разберётся с постоянной квартирой для нас с мамой. Обещались какие-то пару недель, но вот уже и июнь подходил к концу, а мы всё так и продолжали жить в квартире гарнизона. Но что нужно было лихому будущему шестикласснику одной из школ Мариуполя, морских ворот Донбасса и Звезды пролетариев-металлургов? Уехал подальше от копоти и дыма, сюда, где и лес, и речка, и не так жарко как у нас. В общем – гуляй-воля...

Вообще-то родился и вырос я не в Мариуполе, а в Шепетовке, где папа служил на пограничной заставе, комиссаром. На той самой заставе, военврачом, была и моя мама, пока не родился я. А после того как родился я она почему-то сидела дома и больше шила.

Ещё тогда когда я был совсем маленький, у меня родилась мечта. Я тоже решил быть комиссаром, как и папа. И я готовился к этому. Правда по своему, особенно. Была у меня и гим-

настёрка с красной звездой на рукаве, перешитая мамой, для меня, из настоящей. И звезда тоже была самая настоящая. Эту звёздочку я когда-то выпросил у папы в обмен на пятёрку по каллиграфии. Настоящий военный ремень был добыт таким же точно образом. С этим своим мундиром я не расставался никогда и смотрел за ним так же бережно, как и папа за своим, по красноармейски. Правда вот стирать я сам не умел, равно как и подшиваться, и поэтому все эти наряды были возложены в обязанность мамы. Не было у меня и своей фуражки. Потому что папины оказались слишком велики, а на мой размер для Красной Армии не шили. В общем, комиссаром-пограничником я мечтал стать от всей души. Своей мечтой я поделился в письме даже с товарищем Сталиным. Но ответа я так и не получил. Но это не сильно меня волновало. Сам факт того, что товарищ Сталин знает о моей заветной мечте уже было в радость. Ещё бы! Сам Иосиф Виссарионович услышал о том, что есть такой пионер Мишка Двонер...

А ещё, я внимательно читал все газеты, книжки, журналы которые были у папы и наша учительница везде и всем рассказывала, что на политинформациях нет мне замены, потому что я всё знаю, в курсе всех событий и вообще – «очень идейный мальчик», как она выражалась, стоящий на правильных позициях и очень убеждённый. Это и пионервожатая старалась подчеркнуть везде где возможно.

Дома у меня было много дел. И я рассчитывал, что туда куда мы с мамой приедем, я так же буду нужен. Ведь ехали мы на недавно присоединённые территории. А в бывшей буржуазной панской Польше пионерам всегда много работы...

Но, первый кто меня очень огорчил, был папа. Он сказал, чтобы я не совал свой нос во взрослые дела и не лез со своими пионерскими инициативами где попало и к кому попало. Но папа то был папа, а я был пионер. И именно поэтому я откровенно радовался, когда первые десять львовских школьников одели пионерские галстуки и на призыв «Будь Готов!» ответили – «Всегда Готов!». Радость моя не знала границ. Я был даже горд, но не понимаю сейчас почему горд был именно я. Ведь я не приложил к этому ни малейшего усилия, не убеждал их ни в чём и вообще я этих ребят даже не знал...

Папа понял, что для «недавно присоединённых территорий» я слишком пионер и сказал, что отправит, наверное, меня, к своим родителям в Харьков. Условием отсрочки этого папиного решения было моё обещание не делать больше ничего не посоветовавшись с ним и сменить гимнастёрку на обыкновенный костюм, дабы не особенно отличаться от остальных детей. В воскресенье мама должна была меня отвезти к бабушке с дедушкой туда, далеко-далеко, как мне тогда представлялось...

Дедушка и бабушка жили в слободе прямо рядом с Харьковом. А слобода эта была яркой и красивой, десятка три двориков и невысокие особнячки, которые словно жались друг к другу, будто бы стеснялись внешнего, бурлящего и гудящего мира. Кривенькая улочка началась с востока и продолжала бежать на запад, в сам Харьков. За слободкой начинались поля, леса, за ними был новый завод, где собирали тракторы, вокруг которого сам по себе появился совсем недавно рабочий посёлок, с пустыми ещё бараками для рабочих, а сразу за заводом был огромный древний яр, высокий, глубокий, с крутыми склонами и всегда зелёный летом. Ну... по крайней мере он мне таким казался. И я сразу понял, что он таит в себе какую-то тайну. За яром были другие поля и серые леса, тоже древние и сказочные. Рощи, кусты, громадные словно деревья, снова перелески, щебетание птиц и запах мёда и ржи вокруг. Какое это было прекрасное место. Чудное разноголосье небесных обитателей и земных жителей! Он даже назывался таким таинственным и героическим именем – Дробицкий. Как будто дышал седой стариной и ведал о делах давно минувших дней. И видимо о свершениях будущего.

Когда я бывал на родине папы, я всегда там лазил, всё исследовал и совершал для себя новые и новые открытия. Он словно колдовской силой манил меня к себе, и даже сейчас я решил для себя, что если вдруг папа отвезёт меня к бабушке с дедушкой, то непременно этот яр я снова проведаю...

За Дробицким Яром начиналась другая слобода, Рогань, которую от нашей слободки отделяла тоненькая речушка Роганка. Она бежала быстренько, скоренько, словно поспешая. Впадала эта речушка в другую реку, Уды, а оттуда в Донец, затем унося свои воды в могучий Дон. Мы с папой прошли всеми берегами Роганки и Уд, аж до Донца. А вот Дона я так и не увидел, как не старался представлять, что сейчас он начнётся уже там, за крутым поворотом, или чуть дальше...

Было на этой слободке всё, что должно было быть. И поля широкие, и речки бегущие, и ферма за полем, и даже стадион, который из всего что делало стадионы стадионами имел только наспех сколоченные футбольные ворота. Вот туда и грозился отправить меня папа...

Но, уже на следующий день я увлёкся другим и завёл новых друзей. И едва они у меня появились, я сразу же исчез из дома и возвращался разве что на ночь, или перехватить что ни будь на обед. Всё остальное время я гонял свою ватагу, или, как мы сами себя называли, «эскадрон», вокруг квартала воюя то с «белыми», то с «поляками», то с «немцами», то ещё с кем-то, кого сами выдумывали. А между делом я рассказывал мальчишкам о своих подвигах на Азовском море, разумеется, большую часть которых выдумывал тут же, на ходу, и внезапно обнаружил для себя, что из меня получился бы неплохой писатель. В этих своих рассказах я всегда выставлял себя комиссаром, таким же как и папа, кого-то поднимал в атаку, кого-то спасал из бушующих волн, или ловил настоящих контрабандистов, а то и пиратов. Ребята, само собой, мне не верили. Но из-за этих вот самых рассказов-фантазий они и прозвали меня Мишка Комиссар... Только произносили они это «комиссар» с уважением, серьёзно, видимо считали меня своим настоящим комиссаром...

И как настоящий комиссар, я каждое утро проводил построения своего эскадрона и обрушивал на несчастные головы ребят, плохо понимающих русский, целые тонны вдохновенных речей. Содержание их зависело от того с кем мы воюем в этот раз. Слышала бы меня моя учительница, то точно предложила бы моему классу выбрать меня командиром отряда. А может быть и командиром дружины. Но она была далеко. Пока что меня внимательно слушали только эти мальчишки, разинув рты, не понимая и половины того что я им пытаюсь сказать. Интереснее всего им было тогда, когда я рассказывал о Красной Армии. Почему я это знал? Потому что они тогда меня перебивали вопросами. Что и говорить. Армия всегда интереснее для мальчишек. И они мне доверяли. Всё-таки сами решили, что я у них старший. Но, самое главное, что я сам считал свой эскадрон самым настоящим эскадроном, боевой единицей, которую можно повести в бой по первому призыву товарища Сталина. Или товарища Ворошилова. А может быть Будённого. В общем – будет видно, когда будет нужно. А пока что мы воевали только с тишиной на львовских улочках, напоминающих больше лабиринты, не менее интересные чем мои рассказы.

Самым лучшим моим другом был Микола Стаднийчук, или, как его называли все, «Метелик». Почему так? Нет, вовсе не потому, что он был похож на мотылька, или потому что вдруг научился летать. Сколько его помнили, он всегда носил с собой ножик. И всегда Микола, этот ножик старался куда ни будь воткнуть. Шутки шутками, но лучше чем Микола ни кто не умел метать нож. Даже взрослые. Поэтому он и стал Метеликом.

И ростом Микола был чуть повыше всех, и вид у него был немного посерьёзнее, и читал поболее. Одним словом – случайность в нашем эскадроне. Может быть поэтому мы с ним и подружились. Говорили, что отец Миколы исчез в 1939 году, когда на Польшу напали немцы, что служил он где-то на Балтике, и поэтому у Миколы были свои мечты...

Мечтал он, как вырастет, станет моряком, увидит далёкие страны, и обязательно, почему-то, Америку. Потом вернётся во Львов не Миколой Метеликом, а капитаном военного крейсера, обязательно в белом кителе с боевыми орденами и медалями, и все будут его называть Пан Капитан, а его будущую жену Пани Капитанова. Я не стал его убеждать, что панов больше

тут нет и не будет, но сама идея мне понравилась и я серьёзно задумался, а не стать ли и мне морским комиссаром... Это было бы здорово... Но, на утро, я снова был пограничником...

Так вот, в боях и победах, пролетел почти весь июнь...

Этим вечером я появился дома чрезвычайно рано, когда в небе уже во всю светили звёзды, яркие-преяркие на чёрном-пречёрном, будто кожа у негра. Я бы и не зашёл в гостиную, если бы не услышал шум застолья и не понял, что у нас гости. Прямиком бы пробрался к себе в спальню и нырнул в кровать. Утром я бы доказывал, что пришёл очень рано, но уже все спали и мне очень не хотелось никого тревожить..

Но, разговоры в гостиной оставляли надежду на лучшее. Я зашёл и остановился в дверях.

Так и есть. Накрыт стол. На столе полно разной вкуснятины, и горят две свечи. Так у нас было всегда, каждый вечер, в каждую пятницу... Этот пятничный вечер почему-то назывался субботним ужином, или просто шаббат...

Почему, я не знал... Мама что-то рассказывала, но для меня это были предания старины глубокой, интересные, но слишком заумные. Ведь мне было десять лет... Что я тогда понимал? Ничего... За столом сидели родители. Рядом совершенно мне не знакомые люди: старик с густой белой бородой и майор, черноволосый, усатый, здоровый, даже огромный, тоже пограничник, но с Орденом Боевого Красного Знамени на груди. Мало сказать, что он был огромный. Он мне показался настоящим богатырём, одним из тех, про которых я читал в сказках. Это он говорил и смеялся басом, а голос его напоминал гром среди ясного неба.

Я остановился и моментально был замечен папой.

– Чего остановился, Миша? – окликнул он, – в ногах правды нет, а в дверях тем более. Это командир нашей заставы, пришёл поздороваться с твоим прадедушкой. Проходи, садись.

Я, почти по взрослому подошёл к майору и протянул ему руку.

– Миша.

– Ну здравствуй, тёзка, – ответил майор, – будем знакомы. Я Михаил Степанович.

Он пожал мою ладонь и только сейчас я почувствовал его силу. «Если он сожмёт чуть сильнее, то вместо руки у меня будет культик», – подумал я, но не подал виду и отпустив руку майора я подошёл к прадедушке, которого раньше не видел и о котором не слышал.

Он был старый, но широкоплечий, ровный, и видимо, когда-то, очень сильный. Добрые глаза, густая белая борода, чёрная шляпа и почему-то, каракулевая телогрейка, надетая поверх лёгкого летнего костюма, потёртого и выцветшего.

Прадедушка положил мне руки на голову, а потом на плечи.

– Ну вот, я увидел своего правнука, – сказал он тихо.

– Тебя зовут Миша?

Я кивнул.

– Михаэль. Так звали моего отца, твоего прапрадедушку, – ответил прадедушка, – а меня зовут Натан. Правда люди меня предпочитают называть Антоном Михайловичем.

– А я буду называть Натан... – ответил я и обнял его. Почему, не знаю сам. Просто подумал, что так и нужно бы было встретить прадедушку, а не с каких-то официальных приветствий и не нужных представлений. А обняв, почувствовал, что это прадедушка богатырь, а не командир заставы. Сколько было ему лет, я не могу судить даже сейчас. Я не знал этого. И так и не узнал. Но то, что прадедушка Натан был полон сил и жизни, даже радовался ей, это я понял. А каким должен быть богатырь? Не плакать от старости, не вздыхать об утраченных годах, а уметь радоваться детям, внукам, правнукам и помнить своих родителей... Точно... Поэтому я и обнял прадедушку, решив, что никуда завтра, наверное, не пойду, а буду с ним...

Присев рядом с ним я начал слушать разговоры взрослых. Меня никогда не прогоняли, как других ребят их родители, а наверное хотели, чтобы я всегда был в курсе всего что про-

исходит. И в курсе дел семейных, и в курсе дел папы, и мамы, и просто их друзей и наших соседей. Наверное поэтому я и получился такой, умнее всех. Не в смысле разумнее, а в смысле осведомлённости. Язык за зубами я держать умел и никогда не рассказывал друзьям, да и просто любопытным, о том о чём слышал от родителей.

Прадедушка говорил мало, но интересно. Оказывается он приехал из Венгрии, из другой страны, и мне стало во много раз любопытнее, как же там живут люди и правда ли, что капиталисты ходят в цилиндрах и фраках, с тросточками, а все рабочие измазаны сажей, а их дети чистят ботинки прохожим за медные монеты.

Но, судя по всему, это было не так. Прадедушка рассказывал про Венгрию так, как будто речь шла о Киеве, куда я ездил этой зимой, или о Харькове, который я знал прекрасно. И оказалось, что цилиндры уже давно ни кто не носит. Мне стало интересно, какие же шляпы носят капиталисты. Судя по всему не такие как прадедушка. Ведь он был не капиталист, а значит буржуи не носят таких шляп. Но, беспокоиться о буржуях я не стал. Я услышал впервые то, что очень меня удивило. Даже тревожно стало, когда прадедушка произнёс, что переживает за нас. Почему? Война? Немцы?

– Это может произойти в любую минуту, даже сейчас, – сказал он, – когда я ехал сюда, я видел много военных колонн движущихся к границе, немецких, венгерских. И шли они не на учения...

– Да, – кивнул папа, – перебежчики с той стороны говорят то же самое.

Михаил Степанович взгрустнул.

– У нас половина командиров на восток чемоданы пакует, на море... Мамки, няньки, детвора... Прямо в казармах. Говорят, что Брест вообще общежитием стал...

– Да ну, – отмахнулся отец, – страшно не то, что мамки и няньки, а то, что «зелень» необстрелянная, а вместо боевой подготовки штудирем газеты.

Я даже вздрогнул. Папа первый раз меня испугал. Уж не меня ли он имел ввиду? Значит надо будет заниматься зарядкой и попроситься в тир. Там никаких газет. И подготовка боевая. Да и зеленью он называл меня, когда я не слушался и через чур был самостоятельным.

– Люблю своего комиссара, – усмехнулся Михаил Степанович.

Прадедушка покачал головой.

– Я помню Гражданскую, Германскую... Так вот, немцы не те что были тогда. Мы там тоже думали, что они не изменились. Но они очень изменились. Это другое поколение. Их глаза напоминают глаза мёртвых, без жалости, без совести, без пощады. С ними невозможно говорить...

– То есть? – удивился отец, – они были тут, мы с ними общались, даже подружились. Люди как люди.

– Люди есть везде, – ответил прадедушка, – но очень важно что вот тут у человека, – постучал он пальцем по лбу.

– Нам там не сладко. Ещё нет того, что произошло в Польше, или в Австрии, мы не носим жёлтых звёзд на одежде, но нам уже нельзя появляться там, где ходят арийцы. Пока что нам разрешают покидать страну, но не многие этим воспользовались. В основном едут в Америку, ну, а я вернулся сюда. Благо что мне довелось узнать, что вы тут. Иначе ехал бы в Харьков.

Жёлтые звёзды, арийцы, кому-то нельзя куда-то ходить, где ходят другие... Каким странным мне всё это показалось... И при чём тут немцы?

– Они заставили венгров принять еврейские законы, – продолжал прадедушка, – нас не берут на работу, нам нельзя торговать, нам нельзя учиться... Вот так вот... А недавно прошёл слух, что всех будут передавать немцам, а потом куда-то вывозить, на какие-то поселения,

где, мол, мы сможем заниматься чем хотим. Ну, кто мог, те решили уехать сами... Многие бежали из Польши и люди знают о гетто.

– Что такое гетто? – спросил я.

Прадедушка погладил меня по голове.

– Гетто это место, куда немцы сгоняют евреев.

– Зачем?

В ответ была тишина, но эта тишина стала более понятным ответом, чем слова которые я мог бы услышать. Я понял, что это тюрьма. Но не понимал, в чём же я так провинился, что меня, маму, папу, всех моих родственников должны бы были посадить в эту тюрьму.

Я ненавидел капиталистов, но оказалось, что ненавидеть я должен был совсем других...

...21 июня 1941 года...

Я сдержал своё обещание и целый день провёл с прадедушкой. Мы никуда не ходили, да и не захотел. Прадедушка знал столько интересного, столько людей, о которых я и не слышал, и возможно никогда бы не услышал, если бы не он не вернулся из Венгрии, где жил, как оказалось, ещё с Гражданской войны.

– А почему ты туда поехал? – спросил я его.

– Стреляли, – ответил мне прадедушка.

– А ты стрелял?

– И я стрелял, – кивнул он, – а что было делать? Мне нужно было защищать твою прабабушку, дедушек с бабушками, папу и его братьев с сёстрами... Мы тогда жили не в Харькове, а под Черкассами. В Харьков уехала твоя прабабушка уже после войны. А я был на войне. В Венгрии было восстание рабочих против австрийцев и нас позвали на помощь. Я там и остался.

– Почему? – не понял я.

– Меня ранило, потом попал в плен, а потом меня к себе определили добрые люди из штетла. Так и остался я в Венгрии. Хотел было уехать, но община не отпустила, все пришли просить, чтобы не уезжал... – улыбнулся он.

Я нахмурился.

– Мы могли бы познакомиться ещё тогда.

– Ну что ты, Миша, – ответил прадедушка, – всё что есть, всё что случается, это для чего-то случается. Может быть, чтобы людям дано было что-то понять, или в чём-то раскаяться, или, – подумал он, – чтобы наградить.

– Наградить?

– Ну да, наградить, ведь для меня награда приехать, и увидеть такого чудесного правнука.

Я улыбнулся и подумал: «А ведь и правда? Если это награда, то не только для прадедушки, ведь и для меня, и для всех нас. Это хорошо». И я стал искать чудо прямо сейчас. Посмотрел на небо и увидел, как чёрные, почти гроззовые облака бегут на запад, быстро, и мне даже стало страшно.

– Смотрите! – показал я их прадедушке.

Он покачал головой.

– А вот и Днепр Рейну поклонился...

Прадедушка погладил меня по голове и опустил глаза...

...22 июня 1941 года...

Я проснулся не потому что выспался. Я не выспался, а от шума улице. Беготня, крики, все куда-то бежали. Я посмотрел на часы, потом на маму и прадедушку и понял, что произошло нечто особенное.

– Что случилось? – спросил я и увидел, что папы нет.

Ну, собственно, он мог быть на службе, но по маминому взгляду, мне стало ясно, что это самое особенное не очень хорошее...

– Будешь завтракать? – спросила мама.

– Ну что случилось? – повторил я свой вопрос.

– Папа придёт, всё расскажет, – ответила мама.

Я быстро поел, выпил остывший чай, и хотел пойти на улицу. Мне просто было интересно, но мама меня остановила.

– Сиди дома. Не ходи сегодня никуда.

– Почему?

Я посмотрел на прадедушку. Он сидел в кресле, закрыв правой ладонью глаза и что-то шептал, чуть раскачиваясь.

– Будь тут, – приказала мама, – а я к соседям.

Она вышла. Я присел рядом с прадедушкой и понял что он молиться.

Но я был пионером. Мне нельзя было молиться. Однако, я сомневался в том, что нам всегда говорили. Во-первых, если бы Бога не было, думал я, то я никогда не смог бы убеждать своих друзей во всём в чём хотел. Ведь кто-то помогал мне? В начале я думал, что кто-то невидимый ходит за мной и какой-то волшебной силой, взмахом волшебной палочки, всех заколдовывает. Потом, когда пошёл в школу, и стал чуть постарше, я понял что волшебная палочка действует на всех людей, и не один я обладаю таким даром, а значит таких с палочками много, и у них есть главный. А этот главный и есть Бог. Значит Бог есть. Но я предпочитал об этом помалкивать, потому что знал, что если я скажу, то меня накажут в школе, а многие друзья, и самое ужасное – враги, будут смеяться. Тут я поймал себя на мысли, что умею чувствовать настроения других и угадывать события. А значит я не просто мальчик. Говорят, что мы, евреи, народ особенный. Так вот видимо этим мы и особенные. И видимо за это нас за это и не любят немцы, как говорил прадедушка? Но бабушка, папина мама, говорила, что русские нас тоже не любят.

Я знал слова этой молитвы наизусть. «Шма Исроэль...». Видимо случилось что-то страшное, подумал я и тоже закрыл рукой глаза. Скажу честно. Я решил помолиться первый раз, и где-то в моём сознании промелькнули немецкие солдаты. И я очень испугался...

Да... Началась война... Едва я открыл глаза, в комнату вошёл папа, а следом мама... Папа был с вещмешком, расстроенный и встревоженный...

Я не помню его прощания с прадедом, мамой, помню, что он обнял меня, крепко-крепко, поцеловал и как-то шёпотом произнёс... «Прощай Миша... Увижу ли я тебя ещё?...» Я начал кивать головой, не в состоянии промолвить хотя бы слово, потому что комья встали в горле...

В общем папу я видел последний раз в жизни... Уже после войны, лет через двадцать, я узнал, что застава, наспех реорганизованная в батальон, так и не пробилась на помощь осаждённому Бресту, а папа погиб на двадцатый день войны, так и не узнав ничего...

глава 2

«...слышен в Раме, вопль...»

Я не отходил от прадедушки теперь ни на шаг. Мне почему-то казалось, что только я могу его защитить, и именно сейчас я нужен ему как никогда. Я везде следовал за ним, слушал его разговоры со стариками, и больше теперь находился не дома а в синагоге «Золотая Роза», куда всё больше и больше, каждый день, приходило евреев.

Я прекрасно помню рава Давида Кахане, и его слова, что мы умеем объединяться за пять минут до трагедии. Он о чём-то подолгу разговаривал с прадедушкой, потом они вместе разговаривали с людьми, в чём-то их убеждали, но те, видимо, не хотели их слушать. Я даже расстраивался, мне даже было обидно, словно переживал те же чувства, что и прадедушка. А что он говорил людям? И он, и рав, и даже я, правда не словами, а присутствием, говорили что надо уезжать, бежать, подальше от Львова, но почему-то все думали, что уйдут одни, придут другие и всё останется как есть, как и было всегда.

И вот, Красная Армия ушла. Мы не уехали не потому что не хотели, а потому что не успели. Вокзал был переполнен людьми, поезда шли гружённые даже на крыше, пешком идти было бесполезно. Вот мы и остались. Решили идти пешком, но было поздно. Красная Армия ушла... В городе начался хаос, власть моментально исчезла, а последний день июня пришли они...

На нашей улице появился огромный транспарант: «Слава Украине! Слава Вождю Адольфу Гитлеру!»

Я наблюдал в окно за тем, как люди вывешивают в окнах сине-жёлтые флажки, слышал отдалённый шум и вдруг увидел, впервые в своей жизни, немецких солдат. Тут поднялось «Ура! Слава!» и я даже спрятался за занавеску, настолько мне стало страшно. Я понял, что это враги и что надо прятаться, но прятаться мне не хотелось. Почему-то мне захотелось иметь собственный пулемёт, или, хотя бы снайперскую винтовку. Но ни того, ни другого у нас не было.

– Отойди от окна, – сказала мама и я её послушал.

Так я просидел всё утро. А ближе к обеду в городе стало полно народу, появились какие-то люди в непонятных мундирах с непонятными наградами, нарядно одетые местные, парни с сине-жёлтыми повязками на рукавах и все куда-то шли.

– Мам, ну можно!?? Я хочу посмотреть! – начал упрашивать я.

Мама глянула на прадедушку. Тот кивнул.

– Пусть идёт. Может хотя бы ему повезёт?

– Только прячься от знакомых, – сказала мама.

Я выскочил в двери и пошёл за всеми, даже побежал. Но потом притормозил и осмотрелся. Немцев было не так много, как мне показалось. Почему-то немцы разговаривали между собой на украинском языке. Настоящих немцев я увидел не сразу.

На Княжей горе, на башне, уже висел сине-жёлтый флаг, такой же как и те, что развешивали на улицах. Проехал грузовик, полный людей в военной форме, один из которых в рупор всех созывал «к дому Просвиты». Куда это нужно идти, зачем и где этот дом, я не знал и поэтому просто пошёл за всеми.

Там была толпа. Эта толпа кого-то приветствовала, громко хлопала в ладоши, радостно свистела и размахивала флагами, сине-жёлтыми и красными со свастикой. «Это немецкие флаги», – понял я...

На балконе стоял человек чем-то похожий на Кагановича. Только более худой. Но в таких же очках. Рядом был второй, чуть моложе, лысоватый и почему-то нервный. А за ними стоял одетый в дорожную рясу священник которого я сразу узнал. «Митрополит из собора святого Юра, – подумал я, – как же его зовут? Кажется Андрей...» Митрополит вышел вперёд, поднял руку и все затихли...

Человек, тот что был похож на Кагановича, начал говорить:

– Волей украинского народа, – услышал я, – Организация Украинских Националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает... – в общем, говорил он не долго и я понял, что Украина теперь, то ли совершенно независимое государство, то ли теперь это часть Германии, но когда он закончил толпа снова начала кричать. Я выхватывал лишь отдельные фразы, и очень сомневаюсь, что люди сами себя слышали. Но друг друга они слышали, видимо, потому что повторяли одно и то же.

- Слава Степану Бандере!
- Слава Митрополиту Андрию!
- Слава Адольфу Гитлеру!
- Слава Украине! Героям Слава!

У меня чуть не заложило уши. Наверное, если бы я не спрятался за деревом (мама сказала же прятаться от знакомых?), то этот шум меня бы снёс с ног, но с ног меня снесло другое. Точнее не снесло, а сорвало и заставило бежать домой, быстро, бегом, а если бы дома не было мамы и прадедушки, то я наверное бы не домой побежал, а туда, где меня ни кто не смог бы найти. Но в тот момент мне показалось, что надёжнее дома укрытия нет.

– Смерть москалям! Смерть ляхам! Смерть жидам! Смерть комиссарам! – заревела толпа.

– Убивайте жидов! Смерть..!

В общем, дороги домой я не помню, но в дом я влетел, в квартиру заскочил и начал бешено запирать все замки и засовы...

– Что ты делаешь? – спросила мама и я обернулся, подперев спиной двери.

– Мама... мама... они хотят нас убить... – прохрипел я и заметил, что страха больше нет, а есть вопросы, куда спрятать маму и прадедушку, – давай убежим.

– Кого?

– Они кричат, что хотят убить всех евреев...

Прадедушка поднялся. Я подбежал к нему и обхватил его руками, уткнувшись лицом в одежду.

Мама шила мне рубашку... Она больше ничего не спрашивала... На улице был шум, крики, вопли, билось стекло, смех, то тут, то там слышались выстрелы. И одиночные, и очереди, и одни за другим...

Я понял, почему мама ничего не спрашивала. Ей и так всё стало понятно...

Прадедушка присел. Я не отрывался от него, словно прилип, просто не хотел отпускать. И мне сильно хотелось плакать. Но я не мог. Я боялся что меня услышат... И так шли минуты. Не долго... Но их так хотелось продлить, растянуть, остановить, что это невозможно описать. И поэтому я не нахожу слов...

– Что бы не случилось, – сказал прадедушка, – помни имя своё. И прежде всего не забывай, что ты еврей, а потом уже всё остальное, – улыбнулся он и спросил, – ты понял?

– Угу, – кивнул в ответ я...

Наконец, на лестнице послышались шаги... Да что там ждать? У нас был первый этаж, с выходом на внутренний дворик...

– Миша, – посмотрела на меня мама, а я оторвавшись от прадедушки, хотел было броситься к ней, но она меня остановила, схватив за руки.

– Миша, там, под комодом есть ниша в стене. Она заклеена обоями. Но они отодвигаются и задвигаются как форточка. Ты маленький. Только ты туда влезешь. Спрячься. И что бы ни было, сиди тихо как мышонок. Понял?

– Понял, – отступил я.

Дверь начали ломать или бревном, или прикладами.. не знаю. Но мне почему-то ясно представлялись приклады и озверевшие лица тех кто разносит нашу дверь...

Мама затолкала меня под комод, и я словно провалился в этот тайник. «Шторка» из обоев закрылась...

Вдруг всё стихло и по квартире раздался топот сапог...

«Я не видел этого тайника. А значит и меня не видно... Но мне видно всё что в комнате. И хорошо, что только ноги тех кто там. Иначе и меня бы увидели...», – думал я.

– Почему не открываем? – наконец услышал я чей-то голос, такой страшный, как мне тогда показалось, что я его запомнил на всю жизнь...

Чьи-то сапоги подошли к маме...

– Почему не открываем? – повторился вопрос, – говорят, что не только жидовка, но ещё и комиссарша?

Тишина... Тишина, которая давила на уши сильнее, чем я зажимал себе рот ладонью, чтобы не закричать...

– Ну что, пообщаемся? – повторил человек, а ему ответил второй.

– У них крысёнок ещё есть.

– Где твой щенок? – спросил у мамы первый.

– Ушёл с утра, – ответила мама.

– Очень ты спокойная, комиссарша, – сказал человек.

– Может у старика спросить?

– Он не знает.

– Да ты что? – ответил ей тот и закричал, что даже я чуть не оглох, – где твой крысёнок который нашим детям мозги полоскал!!!

Он схватил маму... Как будто подбитая белая птица упала на пол так и не сшитая рубаха... Человек швырнул маму на пол и ударил наотмашь сапогом. Я услышал стон. Потом удары. Снова стон. Потом не слышал ничего, потому что меня оглушил выстрел... Потом второй... И в этот миг поднялся прадедушка...

Он встал перед убийцами мамы, переступил через её тело и вплотную подошёл к стрелявшему...

– Вы не знаете греха, – услышал я голос прадедушки, и в какую то долю секунды, его трость сорвалась с места и прямо у меня перед глазами мешком упало тело мамино убицы с раскроенным черепом...

Потом снова выстрел... Мамино убицу подняли и куда-то поволокли... Я понял так, что прадедушка его убил... Наступила тишина...

Сколько я тут пробыл, сколько прятался под комодом я не знаю... Следом за убийцами пришли какие-то люди, всё громили, вытаскивали наши вещи и даже подушки порвали. Комод,

который прятал меня, опустошили полностью. А выстрелы и крики на улице не прекращались... И так было долго...

Наконец наступила ночь... Точнее не ночь, а её подобие. Какие-то сумерки в свете факелов и горящего напротив дома, так что когда я вылез из своего убежища, то мог всё прекрасно видеть...

Закрыл маме глаза и подполз к прадедушке... Я даже не плакал. Я просто понял, что плакать бесполезно. Этим не вернёшь никого и никому не поможешь. Мне почему-то подумалось, что прадедушке, наверное, холодно и я просто обязан теплее укутать его в телогрейку. Откинув телогрейку я замер... Под ней он прятал четыре Георгиевских Креста и Орден Боевого Красного Знамени... И тут я расплакался...

Мне стало всё равно. Я снял ордена, понимая насколько обыли дороги моему прадеду, а значит дороги и мне. Спрятал их глубоко в карман пиджака, потому что не хотел, чтобы какие-то фашисты глумились над ними. Просто представил, что видели эти кресты и этот орден, что они не продаются на базаре, и каждый из них может рассказать о том, кем был мой прадед...

Я вышел из дома и направился сам не знаю куда. Почему-то я подумал, что надо уходить из города и двигаться на восток. Пешком. Домой. Туда, где я буду чувствовать себя в безопасности. А тут мне было просто всё равно...

Было светло, жарко и страшно из-за пьяных фашистов говорящих по украински. Даже не говорящих, а кричащих. И я уже не чувствовал ужаса о того, что происходило совсем рядом со мной. А вокруг убивали, избивали, кого-то волокли, кого-то вешали, жгли, резали... Кто-то умолял о пощаде, просил за кого-то, а я просто шёл словно ничего не видя...

Кто-то сбил с ног и в тот же миг я получил сильнейший пинок, от которого перевернулся и скатился в канаву, прямо в грязь...

Глянув на обидчика, я оторопел... Микола...

– Микола! – закричал я, – мы же друзья!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.